ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Март-78

В жизни каждого большого художника всегда есть тот самый звездный час, когда рождаются великие полотна, бессмертные стихи... Именно таким звездным часом для Александра Блока было время его любви к замечательной русской артистке Л. А. Дельмас. Ей он посвятил цикл стихов «Кармен». В основе этой новеллы — письма, дневники, записные книжки Александра Блока.

Холодный туман нежным покрывалом обнял петербургские улицы. Изредка раздавались свисты городовых, проносились с веселым гиканьем извозчики на пролетках. Темнело. Лунный свет окрасил туман легким голубоватым оттенком. По улице, где находился театр музыкальной драмы, спешил человек. Элегантно одетый, нездешний, высокий, с аристократическим бледным лицом, он казался взволнованным. Взглянул на часы: «Успеть бы!»

Ю. Самойлов

Отзвук забытого гимна

Новелла

У кассы театра народу было немного.

— Какой ряд изволите?

— Шестой, пожалуйста! А впрочем, давайте восьмой.

В тот вечер шла «Кармен». Уже зарифуфырчала знаменитая увертюра. Молодой человек, извиняясь, прошел на свое место. Оно оказалось не очень удачным: сидящий рядом офицер то и дело переговаривался с соседкой, мешая слушать. Поет ждал выхода. Кармен. Ждал ту, талант и очарование которой давно пленяли его. Но что это? Кармен вышла, но где то изящество, те дивные линии ее стройной фигуры? Да, артистка была не та. Кое-как он дождался действия до конца.

— А что, сегодня Андреева-Дельмас не поет? — спросил он в антракте у служительницы театра.

— Уже нет. Она больше не служит. Но сегодня Любовь Александровна в театре. Мы только что разговаривали.

Нервно покуривая, Блок искал знакомое лицо среди публики. Но Дельмас нигде не было видно.

— Не подскажете ли вы, где она сидит?

— Да вот, в партере, — ответила служительница. — Сейчас смотрит сюда — рыженькая, некрасивая...

Торопясь ближайшим проходом, Блок прошел на свое место. И тут их глаза встретились. Блок удивился некоторой суровости ее усталых, чем то недовольных глаз. Но оставаться на прежнем месте уже не мог. Хотелось быть ближе к артистке. И когда занавес сегодняшний наконец-то взвился, поэт сел совсем рядом с Дельмас. Снова свидание глаз. В волнении Блок забыл о происходящем на сцене. В антракте он видел Дельмас беседующей с каким-то актером. Прошел мимо, почувствовав тончайший аромат ее духов.

А наутро он — в магазины.

— Есть у вас карточки Андреевой-Дельмас?

— Сейчас нет, сударь, позвоните на днях. Мы скажем, когда будут.

И как радостно для Блока узнать, что живут они рядом, на одной улице. Часто он проходил мимо ее подъезда. Все ждал: а вдруг выйдет. Но она не выходила...

...Холодный мартовский ветер бил в окна, кружил снежные вьюги. А Блок писал и писал быстрым размашистым почерком: «Прекрасно знаю, что я неизбежно влюбляюсь в вас, едва вы появитесь на сцене. Не влюбиться в вас, смотря на вашу голову, на ваше лицо, на ваш стан — невозможно... Ваша Кармен совершенно особая, очень таинственная».

Он мечтал о встрече. Ждал ее. И писал, писал стихи.

Однажды решился, позвонил. «Алло», — услышал он тихий женский голос. Блок не ответил. Через неделю встретил ее на улице. Долго провожал взглядом, но подойти не решился. И снова строчки быстрого блоковского письма: «Если когда-нибудь в театре мне представится случай поцеловать вашу руку, я буду счастлив».

Они встретились. Часы свиданий, прогулки по островам, по Таврическому саду — Блок был счастлив.

Ты как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе
О, Кармен, мне печально и дивно
Что присмился мне сон о тебе.

Дивные белые розы. Букеты сирени из Таврического сада.

— Я дарю тебе звездочку из пяти лепестков. Она приносит счастье, — Любовь Александровна протянула веточку сирени.

Он провожал ее домой и долго-долго смотрел на окно, горящее не от одной зари». За этим окном была она. Потом об этом дивном вечере он писал, набрасывая строки новых стихов:

Волос червонную руду
И голоса грудные ласки
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

В тот памятный год — год встречи с Дельмас Блок впечатал в журнале «Любовь к трем апельсинам» знаменитый цикл стихов «Кармен».

— Это мне? Ты добрый.

— Да, это тебе. Все тебе!

И Блок прочитал в порыве:

О, да, любовь вольна,
как птица,
Да, все равно — я твой!
Да, все равно мне будет
сниться
Твой стан, твой огневой.

А она стояла и смотрела на него. На человека, который сказал о ней этой весной: «Она нежна страстью и чиста. Ей имени нет. Ее плечи бессмертны».

Но эти строки Любовь Александровна прочитала, когда Блока уже не было...

...Иногда я листаю дорогие мне записные книжки. В одной из них звездочка из пяти лепестков сирени. Как отзвук забытого гимна. Отзвук так поэтично воспетой любви.

Звездочка та самая — блоковская из Таврического сада.

Та самая, приносящая счастье...

Весне все возрасты покорны. И темы, вобравшие мы еще. Потому нынешняя литературная страница отдана извечно весеннему мотиву — любви и связанным с ней ожиданиям, страданиям, волнениям.

Б. ДОЛГУШИН

* * *

От печали твоей милой —
не помилуй!
Твоя печаль пройдет,
уверен,
Как только он
и тебя придет,
Любим и верен.
Тебе его найти легко,
ведь он совсем
недалеко.
Его шаги и тебе
слышны.
Ты только полюби его.
Прими.
Всего изнежь.
Всего пойми.

И. КИРИЛЛОВ

СКАЗКА

Где-то за синими
дачами
Фея живет молодая.
Стройная, голубоглазая
Сказки мне все
рассказывала.
Было за окнами вьюжно
Злобно мели метели.
Сидел я и сказки
слушал.
В камине дрова горели
Нам в тепло и уютно —
Пахнет смолой и хвоей.
Она мне сказала:
«Нужно,
Чтоб ты был всегда
со мною.
Я — сказочница,
а сказки —
В общем просты и наивны.
Хочу, чтобы ты
остался,
Единственный мой,
любимый».
Но кончилась непогода
В камине дрова
догорели —
Я стал собираться
в дорогу,
Прощаясь с прекрасной
Феей.
В ответ я услышал
только
Тяжелые, тихие вздохи...
Я понял, что сказке
кончиться,
И кончилась сказка
плохо.

ПОПЫТКА СОНЕТА

Моя далекая звезда,
Моя надежда вера,
сила,
Люблю за то, что ты
красива
И красотой своей горда.
Я не ушел бы от тебя
И дом родной бы
не оставил,
Но кто, когда и как
составил
Судьбу мою, не знаю я.
В крови моей сплетений
рух.
Куда там ноги приносят
Какая ждет меня дорога
Ты скажешь: нету дел
тебе
До всех моих
бродяжьих бед.
И поцелуешь у порога.

Н. СОЧИХИН

* * *

Я рано встал.
Нельзя иначе:
Автобус мой отходит
в семь.
И это сна еще горячий
Иду, проснувшись
не совсем.
Иду путем своим
обычным.
Иду, курю, немного
чтур.
И всякий скажет
по обличью
По моему, что я чинбур.
Еще покуда не
мясчишки
И полудрема на душе.
С утра пораньше
воробьишки
Возню затеяли уже.
Я шит невольно
убаюкиваю,
Я жизнь почувствовал
и грустно.
И вот уже в догонки
Девчат, идущих
впереди.
Их речь журчала,
как криница
Журчит, искрясь
в лучах утра.
Я сбоку вглядываюсь
в лица
Славянок с батюшки
Днепра.
А небо все — без
темных пятен,
И свеж зайчик-ветерок.
И до чего ж мне был
приятен
Их украинский
говорок!
О, эта славная
минута
Восходящего над Обью
дня!
Наши мы —
крайние Сургута,
Его рабочая семья.

* * *

Если заметка не очень,
Если некуда спешить,
Напиши мне пару
строчек,
Напиши мне, напиши.
И в посылке нам
пакетный,
Что теперь мне стал
чин,
Вереницей привет
почтовый,
С дорогим твоим
письмом.
Пусть всего две
строчки только
Я в конверте получу.
Я нисколько,
и нисколько
От того не огорчусь.
И в двух строчках
очень много
Разглядеть сумеет взор.
Словно вновь пройду
дорогой
Там, где не был
с давних пор.
Только я вернусь
не скоро
В те края, что мне
близки.
Я хочу построить
город,
Светлый город
среди тайги.
Ну, а ты грусти
не очень,
И прошу от всей души:
Напиши мне пару
строчек,
Напиши мне, напиши.

А. МИТЛЕВ

* * *

Девочка — пять
стебельков в бучере,
что напишет,
кто отпустит мне
помыслов отравленные
сети —
тени на сиреневой стене,
злые клятвы
глупые причуды,
неумелой лаской
листопад?
Кто вину, как рану,
заговорит,
отберет и не вернет
назад?
А дина такая,
что избегнуть
никому не не суждено.
Впрочем, — это пина,
только пина.
Листья облетают в эту
ночь.

П. СУХАНОВ

ЛЮБИМЫЕ

На свете
Нелюбимых женщин
Нет.
Но почему
С времен далеких
Так много
женщин
одиноких,
С ума сводящих
белый свет?
Живут и любят —
сопричастно,
И с тихой радостью,
нечасто
В неразберихе лет и дат
Они о счастье говорят.
Глубокомысленны.
Наивны.
О женщины,
Ведь это же беда:
Счастливой быть —
наполовину,
Любимой — иногда!
Или
В костылом одиночестве
Годами
Ждать —
Когда
кому
захочется
В путь
Заночевать.
А на рассвете
жутко
В себя
глядеть
в упор...
Да за такие шутки —
На площадь!
На костер!
...Но годы
лютой
длиною
Свиваются
В петлю.
Виновные,
невинные —
Я
Вас
Люблю!
Люблю
Не подсознательно,
А ялеточкой любой
За все, чем
знаменательна,
Мучительна
Любовь.
Пускай —
перегоревшая,
Пускай — в слезах
до краев
Любовь
извечно
грешная,
Единственно
Земная.
Люблю — за откровение,
За радостную грусть,
За перевоплощение
В объятьях
Чувств.
Люблю.
И сожалею.
Люблю. И не каюсь.
Хотя и не умею,
Но верю. И боюсь...
Люблю!..
И в ночь кромешную
Сквозь дождь,
по сентябрю
Люблю весь мир
за женщину,
Которую
Люблю!
На свете
Нелюбимых женщин
Нет.
А счастье балует
немногих.
Да пусть не будет
одиноких,
С ума сводящих
белый свет!